

Белорусский государственный университет
Центр проблем развития образования

**ДИСКУРС
УНИВЕРСИТЕТА-2013**

**Образовательные практики
и метафоры обновления**

Материалы
Международной научно-практической конференции,
Минск, 2013 г.

Минск
Издательский центр БГУ
2013

УДК 378(06)
ББК 74.58я431
Д48

Редакционная коллегия:
А. А. Полонников (отв. ред.), Е. Ф. Карпиевич,
Д. Ю. Король, Н. Д. Корчалова

Д48 Дискурс университета-2013. Образовательные практики и метафоры обновления : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2013 г. / Белорус. гос. ун-т. Центр проблем развития образования БГУ ; под ред. А. А. Полонникова (отв. ред.) [и др.]. — Минск : Изд. центр БГУ, 2013. — 147 с.
ISBN 978-985-553-167-9.

В сборник включены избранные статьи и комментарии участников Международной научно-практической конференции «Дискурс университета-2013» (2013 г.), которые рассматривают актуальные проблемы состояния и развития университетского образования с различных точек зрения и дисциплинарных подходов, объединенных пониманием университета как развивающейся коммуникативной системы.

Сборник предназначен теоретикам и практикам системы высшего образования, ученым, аспирантам, слушателям курсов повышения квалификации, методистам и специалистам аппарата управления сферы образования.

УДК 378(06)
ББК 74.58я431

ISBN 978-985-553-167-9

© БГУ, 2013

Содержание

Е. Ф. Карпиевич, Д. Ю. Король, Н. Д. Корчалова, А. А. Полонников.

«Дискурс университета 2013»: опыт открытой коммуникации..... 5

1. ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ПОЗИЦИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТА В СИТУАЦИИ «ИКОНИЧЕСКОГО ПОВОРОТА» СОВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. А. Полонников. Практики знания в современном университете..... 16

О. И. Шарко. Парадокс «гуманизма» в образовании. Комментарий к статье
Полонникова А.А. «Практики знания в современном университете»..... 41

Л. В. Нургалеева. Университетская корпорация в терминах
мультирационального дискурса 46

А. А. Полонников. Форма содержания и форма выражения. Комментарий
к статье Л. В. Нургалеевой «Университетская корпорация в терминах
мультикультурального дискурса»..... 60

И. С. Нечитайло. Несоответствие результатов первичного
(предшествующего) и вторичного (последующего) педагогического труда
как предпосылка закрепления и углубления социального неравенства..... 66

Н. Д. Корчалова. Фрагментированный опыт чтения статьи И.С. Нечитайло... 78

А. А. Полонников. Образовательная продуктивность социологического
исследования. Комментарий к статье И. С. Нечитайло «Несоответствие
результатов первичного (предшествующего) и вторичного (последующего)
педагогического труда как предпосылка закрепления и углубления
социального неравенства» 81

2. ДИСКУРС ПСИХОЛОГИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

К. В. Вербова. Стереотипные представления студентов
о межличностном взаимодействии с преподавателями 92

А.А. Полонников. Hidden curriculum психологического исследования.
Комментарий к статье К. В. Вербовой «Стереотипные представления
студентов о межличностном взаимодействии с преподавателями» 101

<i>А. М. Колышко. Психологическая теория и практика в представлении современного студента-психолога</i>	<i>106</i>
<i>А. А. Полонников. «Теория» и «практика» «психологии» в образовании. Комментарий к статье А. М. Колышко «Соотношение психологической теории и практики в представлении современного студента-психолога» ...</i>	<i>114</i>
<i>А. А. Полонников. Может ли университет готовить профессиональных психологов?</i>	<i>120</i>
<i>Н. Д. Корчалова. Экспертная поддержка образовательных изменений: управленческие дилеммы (на примере совместного проекта ГрГУ им. Янки Купалы и БГУ)</i>	<i>140</i>

SUMMARY

This volume is a selection of the presentations made at the third international Internet conference and forum "University Discourse – 2013", conducted from 20 October to 15 November 2013.

While the volume presents a variety of views, the contributions are united by a common meta-text supported by a shared concern about the state of today's education. These concerns reflect by the authors' acute sensitivity to change in the university context, the tendency to replace personal communication by the ever-proliferating use of electronic means of instruction, and the ever-strengthening role of the linear textbook text intervening in the educational communication process.

The university' entry in the electronic age is in many ways a natural process which sometimes happens independently of the desires of higher education's actors. The electronic message is penetrating the university's institutional boundaries, giving rise to new educational phenomena and events.

The interests shared by the contributors to this volume have range from the study of the circumstances affecting the educational semiosis dynamic to phenomenology of mediatory conflict (resulting from the collision of three types of intermediaries in university communication – oral presentation, the printed text, and audiovisual messages), to the study of new interactive situations where the meaning and relevance of the existing conventions in university education (including those regarding speech practices and effects) are challenged.

The volume will be of interest to students of education, university teachers, and postgraduates oriented towards careers in university teaching.

ФОРМА СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ

Комментарий к статье Л. В. Нургалеевой «Университетская корпорация в терминах мультикультурального дискурса»

А. А. Полонников

Белорусский государственный университет

Появление статьи Л. В. Нургалеевой на сайте конференции «Дискурс университета – 2013» — явление знаковое по нескольким обстоятельствам. Во-первых, это прямой ответ автора на идеологический запрос, который в многообразии форм рациональности, дискурсов и практик видит новые обстоятельства современного положения университета. Автор принимает «вызов многообразия» и формулирует на него свой ответ, который, собственно, и является предметом нашего комментария. Во-вторых, это ряд «сильных» утверждений, распространенных в академической среде, в которые мы бы хотели более пристально всмотреться. Думается, что эти утверждения имеют ряд теоретических и практических, хоть и не прямых, следствий для университетского образования.

Первый тезис статьи выглядит вполне философски, когда ставит вопрос о единстве и многообразии мира. «Наличие разных форм многоуровневой связанности многообразных элементов реальности рассматривается в качестве базового условия существования реальности». (Подчеркнем в этом месте идею связанности реальности, существующей до и помимо всяких описаний.) Отразить эту многоуровневую связанность, по мнению автора, способно сетевое описание. Считается, что категория «сеть» обладает большей степенью свободы для своих членов, чем иные формы обобщения. С интернализацией университетским сообществом сетевой категоризации автор и связывает его прогресс. Не обсуждая в настоящем комментарии содержание сетевой философии, зададимся вопросом о ее использовании. В этой связи поставим на полях статьи наш первый вопрос: если сетевое описание действительно обладает таким серьезным интеграционным потенциалом, как нам сулит автор, то как он может быть реализован? Как сетевая идеология способна стать общей системой ориентации для всех членов университетской корпорации, и как быть с теми членами сообщества университета, кто не только не разделяет убеждений автора, но и считает более перспективным, например, учение о материальном единстве мира или склонен придавать значение Абсолютным идеям?

Понятно, что в этом случае сетевой подход, претендующий в статье на некую новую универсальность, «позволяющий видеть реальность с единых позиций», выглядит, как бы это сказать помягче, чрезмерной интерпретацией. Думается, что многие постсоветские

политики могли бы, как говорят в Одессе, «дать хорошую цену» автору за изобретение механизма введения единомыслия в подвластном им ареале. Другое дело, когда речь идет не обо всей университетской корпорации, а об управленческом мышлении, его интеллектуальных техниках и средствах. В этом случае понятно, что взаимодействие со сложноорганизованными объектами, к числу которых следует отнести современный университет, требует более адекватных категорий, чем линейные кибернетические схемы с прямой и обратной связью. Если мыслить университет как семиосферу, состоящую из очень большого числа открытых, постоянно изменяющихся и самоорганизующихся структур, в которой процессы коммуникации принципиально отличны от процессов в системах с малым количеством элементов, то очевидно, что для этого необходим качественно иной, чем это имеет место сегодня, понятийный и методологический аппарат. Однако когда в тексте статьи мы обнаруживаем призыв к его более широкому применению (распространению на всю университетскую корпорацию), то для этого, как нам представляется, нужны не только декларации, но и более глубокие обоснования. Задавшись целью описать механизм разделения сообществом единых ориентаций, автор очень скоро обнаружил бы утопичность предлагаемого им проекта, поскольку ему не удалось бы придумать ничего другого, кроме скомпрометировавшей себя в истории большевистской индоктринации. Мультикультуральность, имя которой прославляет комментируемая статья, как раз и предполагает множественность ориентаций, их сложное, а порой и конфликтное взаимодействие.

Более перспективным в плане работы с множественностью ориентаций нам представляется университетский проект Б. Ридингса, в котором современный университет мыслится как непрерывная интеллектуальная дискуссия, перманентная коммуникация, наличие которой и есть новый академический универсум. Этот универсум существует в той мере и постольку, поскольку поддерживается эта дискуссия, причем не предполагающая ни идеологического, ни теоретического, ни территориального единства. Мы полагаем, что его метафорой может выступить не хор, но джаз, импровизирующий на избранную университетским сообществом тему. Диссонанс не чужд джазу. Исполняемая джазовым оркестром тема, к слову сказать, и есть миссия университета.

Зачем автору понадобилась эта «сетевая» риторика? Ведь есть и другие модные словоформы (например, «облачные технологии»)? Кто говорит устами автора о мультикультуральном дискурсе? Философ, претендующий на построение новой онтологии образования? Когнитивный психолог, мучимый незавершенным гештальтом? Политик,

обнаруживший идеологический вакуум? Университетская корпорация, утомленная вавилонщиной академических наречий?

Нам же кажется, что этот дискурс принадлежит преподавателю гуманитарных дисциплин, оказавшемуся перед перспективой упорядочения многообразных содержаний в единстве своего высказывания. Как придать целостность своей речи? Как нести в массы «систему знаний»? Как избежать методологических противоречий, обусловленных разностью исследовательских, социальных и культурных положений, отображаемых в лекторском нарративе? Какой должна быть в этом случае риторическая организация? Можно, разумеется, обратиться к лекционной практике Ж. Деррида и поучиться у него работе с конфликтными интерпретациями, а можно решить проблему с опорой на парадигму учебника, разместив на поле отображения индивидуально своеобразные элементы. Похоже, что автор выбрал вторую стратегию. И, к слову сказать, он не одинок. В Беларуси, например, необычайную популярность приобрел так называемый «интегративно-эклетикический подход». Суть его состоит в том, что нечто, собираемое в одном месте и в одно время, называется, к сожалению, не «сетью», а «комплексом», «системой», «интегративной моделью». Это нечто, разумеется, изначально открыто для любых эмпирических добавлений, которые производятся под лозунгом «системной полноты». Что это? Научный карга-культ? Недопонимание проблемы? Или за этим, кроме упомянутой выше заботы о риторическом порядке знаний, стоит растерянность вузовских преподавателей перед нарастающей культурной неопределенностью, фобия, порождающая консервативное стремление к сохранению сложившейся идентичности, прежде всего педагогической, и образовательного порядка облюбованного типа?

Впрочем, для нашего комментария значимыми являются не упования статьи на сетевые обстоятельства, которые наделяются самодельным статусом (как говорит автор, «независимо от плана реализации»), а само стремление в Эдем целостности, возможно связанное к тому же с кризисом научной рациональности, которая выступала и выступает основным конститутивом содержания университетского образования. Нельзя не заметить, что сегодня в университете сам принцип научности становится проблематичным объектом. Зыбкость его положения обусловлена не только непрерывной редемаркацией границ научного знания, но и атакой содержания образования порядками ненаучной рациональности – практической, этической, эстетической, религиозной и пр. Цитируемый в комментируемой статье В. С. Библер, как известно, связывал современность образования с мышлением о нем не по схематизмам науки, но искусства. В этой же позиции во многом оказывается американский философ Х. Гумбрехт, когда пытается осво-

бодить университет от «ледяных объятий научности». В его редакции «Humanities and Arts» («Гуманитарные науки и искусства») следует эмансипировать от доминирующей сегодня в университете «science» (науки), что приведет в итоге и к технологическим изменениям в обучении. Передача знаний уступит место практикам толкования текстов и произведений искусства.

Странно, однако, что статья, касающаяся вопросов мультикультуральности, не затрагивает технической стороны университетского образования, не анализирует господствующих в нем учебных, социальных и культурных практик. Единственная работающая в тексте статьи характеристика образования – это передача значимых содержаний (знаний) от преподавателя к студенту. Здесь на нарративной сцене появляется «многообразие знаний», справиться с которым автор предлагает посредством дисциплинарных мероприятий. Эпистемологическое многообразие, по мнению автора, должно быть подвержено концептуальному контролю, осуществлять который призвана наукоцентрированная инстанция. Именно эта организованность (читай вузовская философия) ответственна за внедрение в умы студентов «научного видения реальности».

Опа на! Прибыли на станцию «Мультикультуральность».

«Научное видение реальности» (непонятно о какой науке идет речь) – ни что иное как старинное единое научное мировоззрение, известное (и не понаслышке) поколению автора комментария под именем «марксистско-ленинская идеология». Задачу обеспечения пресловутого единого видения реальности и призван решить прокламируемый в статье «радикальный конвенционализм». (Не иначе как через тотальное символическое принуждение.) Остается только гадать, как этот «радикальный конвенционализм» соотносится с идеей интеллектуальной свободы и автономии академической жизни в университете. Мы знаем из истории университета, что некоторые ученые, разделяющие идею интеллектуальной автономии, соглашались работать в университете лишь с одним условием: не участвовать в его публичных мероприятиях, например, в Ученых Советах.

«Радикальный конвенционализм» отсылает нас к проблеме социального согласия и опыту академической коммуникации. Мультикультурность, дискурсивное многообразие ставят под вопрос согласие как форму функционирования социальности. Одним из вариантов мягкой оппозиции «радикальному конвенционализму» становится «избирательный конвенционализм»: согласие и компромисс в одном, при несогласии и диссонансе в другом. В более жесткой редакции социальные отношения выглядят как парадоксальное взаимодействие (М. Ю. Лотман), диалог несовпадающих несоизмеримых миров. В мо-

дели парадоксальной коммуникации главным оказывается несогласие с Другим. Лотман называет это «непереводимостью сообщения», «кодовым несовпадением». Другой оказывается тем, что невозможно присвоить, отождествить с собой. С еще большей силой идея парадоксальной коммуникации присутствует в идеологии «неантропоцентрического гуманизма», разрабатываемого, в частности, польским философом Э. Доманьской (E. Domańska). Партнерами по коммуникации в ее изображении выступают такие «странные» акторы, как киборги, животные, растения, вещи. То есть Другой уже не столько тот, кто отличается от нас с точки зрения расы, пола или религии, а тот, кто имеет видовое отличие (в смысле неорганического существования). Это, скорее всего, именно те, кого автор комментируемой нами статьи предлагает «логически достраивать» и «преобразовывать в научной деятельности». Где-то мы это уже слышали. Вам не кажется?

«Достраивание логикой мышления другого» предполагает принципиальную прозрачность (познаваемость) другого для понимающего. Этим косвенно утверждается единство реальности (или в когнитивном плане – единство координат) для всех участников коммуникации. Другими словами: коммуникация фигурирует как линейный порядок сообщения, пусть и связанный с ситуационными особенностями взаимодействия. Порядок в такого рода коммуникации обеспечивается, по мысли автора, некой «универсальной логикой», которая «всегда существует в полемике с другими логиками». Вчитываясь в эти слова, будем, однако, помнить слова польского социолога Т. Шкудлярка (T. Szkudlarek) о том, что именно логика, помимо упорядочения мыслей, чаще всего выступает как инструмент социального принуждения и унификации. Тем более «универсальная».

Не случайно «универсальная логика», сакрализуемая автором, является априорной предпосылкой общности, которая *«заставляет¹ социальных субъектов обеспечивать консенсус, не только формировать, но и преодолевать границы рационального в собственном мышлении и в актах общественного познания»*. Хочется спросить у автора: а как это у Вас получается – и достигать консенсуса, и преодолевать границы одновременно? Не предъявите ли модель такого рода коммуникации?! А эта Ваша универсальная логика – метапозиция? Она вне практики, вне культуры? И как быть с тезисом Ж.-Ф. Лиотара об исчерпанности метанарратива? Или его выводы не имеют отношения к обсуждению проблемы мультикультуральности?

В трактовке коммуникации автором есть еще одно «темное» место, в котором появляется еще одно нечто – полипроцессуальное образование – рефлексия. Именно она призвана обеспечить собой

1. Подчеркивание наше (А.П.).

«некую целостность метапроцессов и метакачеств, поместив ее в сознание человека. Автор даже призывает нас эту рефлекссию специально исследовать. Давайте не поддаваться чарующему звучанию слов о рефлексии. Тем более, что эту категорию в 20 веке (и не только) не трогал разве что ленивый. Не будем придавать содержательного значения этому призыву. Рефлексия – чисто риторический прием. С его помощью автор строит некий текстуальный мостик, по которому он поведет в коммуникативную рациональность, говоря словами Ю. Хабермаса, рациональность, центрированную на субъекте. Но научная рациональность (рефлексия), выводимая из постулатов Декарта, за которую, судя по всему, ратует автор, помещая ее во внутренний план индивида, кроме как центрированной на субъекте и быть не может.

Если же это другая рефлексия, условно именуемая «коммуникативной», то в задачу философа и входит, как нам кажется, сформулировать вопрос о ней. Иначе, что исследовать? Что за рефлексия может быть смоделирована на коммуникативной базе? Возможна ли она в принципе? Как, в случае ее возможности, должен выглядеть учебный процесс в университете и должно функционировать педагогическое отношение?

Мы полагаем, что в той мере, в какой текст апеллирует к модели одинокого сознания, проблема многообразия (культурного, социального, дискурсивного) неразрешима. Текст комментируемой нами статьи формально и содержательно противоречив. У автора, несомненно, есть некая интуиция новизны, есть стремление освоить новый для него лексикон и обозначить новые горизонты, но одновременно с этим его речь изобилует рудиментами мышления уходящих эпох, прежде всего мышления об образовании. Эти схематизмы мы и пытались объективировать в нашем комментарии. Автор, манипулируя ими, образно говоря, пытается «вливать новое вино в старые меха».

Стратегически же наш комментарий и комментируемая статья ортогональны друг другу. Автор озабочен поиском единства в многообразии. Наша же критика исходит из другого экзистенциального и ситуационного самоопределения, решения проблемы многообразия единств. То есть, наши высказывания (комментируемого и комментирующего) принадлежат разным идеологиям и гуманитарным практикам в том смысле, каком их понимал метаисторик Х. Уайт. Речь идет об идеологии как наборе предписаний для занятия позиции в мире социальных практик и действий. Последние нацелены либо на изменение мира, либо на его упрочение в его сегодняшнем состоянии. В нашем случае – мира образования.